

Не успел Ли Жун и глазом моргнуть, как Чжай Нин внезапно выставила ладонь, преграждая путь бокалу с шампанским, который Чжэн Чжупань настойчиво совал юноше.

Она в упор посмотрела на дельца и с нескрываемым раздражением бросила:

— Если вы напоите его до желудочного кровотечения, мне что, прикажете прямо здесь сверхурочно поработать?

На самом деле Чжай Нин вступилась за Ли Жуна не только из жалости. Она прекрасно понимала: Чжэн Чжупань лишь на первый взгляд принуждал мальчишку произнести тост — на деле он давил на неё саму. Вынуждал поскорее сдаться и окончательно примкнуть к интересам Биотехнологической компании «Сухэ».

Но у директора Чжай была своя гордость. К деньгам она не питала особой страсти; единственным её желанием было покончить со всем этим и вернуться к прежней спокойной жизни. Пока мужчина держал её на крючке, она тоже не оставалась в долгу, владея на него серьезным компроматом.

Она знала: Чжэн Чжупань не хочет идти на крайности и рушить всё окончательно, а значит, не посмеет всерьез угрожать ей.

И действительно, делец сощурил и без того узкие, заплывшие веки, помедлил и, наконец, убрал бокал.

— Сразу видно врача — ни на миг не забываете о здоровье.

Чжай Нин, понимая, что нужно дать ему возможность сохранить лицо, подняла свой бокал. Они сухо чокнулись, и она сделала чисто символический глоток.

Пригубив вино, она невольно бросила взгляд на Ли Жуна. После такой внезапной выходки бизнесмена любой другой еще долго не мог бы прийти в себя, но, взглянув на юношу, Чжай Нин была слегка ошарашена.

Будучи женщиной, которая всю жизнь имела дело с матерями и детьми, она была куда проницательнее своего спутника. Директор заметила, что в облике Ли Жуна не было ни капли страха или замешательства. Напротив, в его прекрасных глазах отражалось нечто, совершенно не связанное с происходящим здесь и сейчас.

Такой непоколебимой выдержкой обычно обладают лишь те, кто годами вращается в высшем свете и привык к интригам. Почему же этот новичок, о котором никто слухом не слыхивал, сохраняет подобное спокойствие?

Это безрассудство невежды? Или же отвага «новорожденного теленка», что не боится тигра?

Чжай Нин испытывала к Ли Жуну странное чувство — это не было неприязнью, но и не было симпатией, рожденной его красотой. Шестое чувство подсказывало ей держаться от него подальше. И не потому, что юноша был опасен, а потому, что её мучила совесть.

Глядя на это лицо, в эти ясные глаза, она не могла справиться с гнетущим чувством вины. Наверное, такова сила невинности.

Этот чистый взгляд, которым он смотрел на неё — на героиню из новостей, совершившую благородный поступок, — заставлял её чувствовать себя ничтожной. Тем более что этот человек был невероятно красив, даже красивее её любимого кумира, отчего визуальное воздействие становилось еще мощнее.

Гнев в душе Ли Жуна тоже постепенно утих.

Убить Чжэн Чжупаня не было его целью. Он обязан терпеть — терпеть, пока все кукловоды не окажутся на свету.

Чжай Нин только что выручила его, но он не чувствовал ни капли признательности. Ли Жун думал лишь о том, что, хотя директор по каким-то причинам и связалась с дельцом, она явно не одобряла его методы и саму его личность.

Возможно, Чжай Нин станет отличной зацепкой. Если удастся получить её показания, их дальнейшие действия станут куда проще.

Однако переманить её на свою сторону будет непростой задачей.

В прошлом году, когда вокруг кипели страсти и множились слухи, Чжай Нин предпочла остаться в стороне, спасая собственную шкуру. Вряд ли она вдруг прозреет от чьих-то пламенных речей.

Чтобы получить от неё информацию, нужен был особый случай.

В голове юноши начал складываться портрет этой женщины.

«Её бурная реакция на упоминание о спасении ребенка в поезде говорила о том, что ей стыдно. Она боится оглядываться на ту, кем была прежде. В душе её идет борьба, она осознает, что поступает неправильно»

В отличие от Чжэн Чжупаня, для которого закон джунглей и нажива — единственная истина, Чжай Нин сохранила остатки совести. Оставалось лишь понять, чем её заманили в этот

водоворот.

За этот короткий промежуток времени Ли Жун уже начал прикидывать, как использовать её в своих интересах.

— Ты чего зависи? — тихо спросил Фу Хуань.

В глазах певца Ли Жун уже завоевал расположение Чжай Нин. Она ведь сама заступилась за него, и теперь до конца ужина он мог спокойно не пить, прикрываясь язвой.

Это вызывало жгучую зависть. Фу Хуань понимал: они здесь — низшее звено, и эти толстосумы будут срывать на них зло или изливать пьяный восторг по своему усмотрению. Любое недовольство с их стороны чревато последствиями.

Ли Жун глубоко вздохнул, поднялся и, взяв со стола белый фарфоровый чайник, налил себе чашку.

Его пальцы, длинные и изящные, явно не знали тяжелого труда. Сами очертания его кистей были необычайно красивы, и даже в том, как он наливал чай, чувствовалось превосходное воспитание.

Подняв чашку, он взглянул на Чжай Нин и с легкой улыбкой коснулся краем своего бокала её чаши.

— Спасибо за понимание, директор Чжай. Позвольте мне вместо вина поднять за вас эту чашку чая, — мягко проговорил он.

Взор Чжай Нин скользнул по его пальцам и медленно переместился к колышущейся поверхности чая.

Словно поддавшись какому-то наваждению, она помедлила, а затем подняла свой бокал и сделала большой глоток.

Это было куда искреннее, чем её тост с Чжэн Чжупанем. Тогда она лишь пригубила напиток, сейчас же позволила алкоголю обжечь горло.

К тому же, по правилам этикета, «пить чай вместо вина» — привилегия старших по положению. Ли Жуну позвали сюда развлекать гостей, но Чжай Нин даже не подумала сделать ему замечание.

Видя, что юноша проявил инициативу, Чжэн Чжупань, хоть и остался недоволен, придирается больше не стал.

— Ну ладно, ладно. В прошлом году мы столкнулись с небольшими трудностями: пришлось закрыть Шестой район «Ланьшу», да еще этот бестолковый Хэ Даюн подвел... Но сегодня радостный день! Давайте не будем о работе. Расслабьтесь, почувствуйте себя как дома. Может, кто-нибудь выступит с номером, чтобы разрядить обстановку?

Выступать с номерами — прямая обязанность артистов.

Фу Хуаню пришлось встать. Против самого выступления он ничего не имел; к тому же Чжай Нин, похоже, не проявляла к нему интереса, да и остальные боссы к певцам мужского пола были равнодушны, так что домогательств можно было не опасаться.

Фу Хуань исполнил песню собственного сочинения. Его вокальные данные были весьма недурны — по крайней мере, для дилетантов это звучало превосходно.

Лицо Чжэн Чжупаня даже немного смягчилось.

Следом пришла очередь Цзян Цзюя.

Парень не знал, позволят ли ему продолжить участие в шоу. В голове у него была полная каша, он еще не оправился от ужаса после разбитого бокала и с трудом вспомнил слова песни для конкурса.

В итоге его выступление оказалось гораздо слабее, и аплодисменты были скудными.

Цзян Цзуй понуро сел на место. Теперь все взгляды обратились к Ли Жуну.

К тому самому «артисту», который больше всех говорил, меньше всех робел и был красивее всех присутствующих.

Тот вскинул голову и невинно моргнул:

— Простите, но пою я так себе. У меня, кажется, совсем нет слуха.

На самом деле со слухом у него было всё в порядке, просто он никогда не занимался вокалом серьезно, так что фальшивые ноты были неизбежны. Да и песен он знал немного.

Чжай Нин нахмурилась:

— Разве ты не участник отборочного шоу?

Это был её первый вопрос, не связанный с официальной частью, — простое любопытство. Она

искренне не понимала, как артист с музыкального проекта может с таким невозмутимым видом заявлять об отсутствии слуха.

Ли Жун лучезарно улыбнулся:

— Ну да. Очевидно же, что я торгую лицом.

Чжай Нин не нашла слов.

«...»

Чжэн Чжупань пренебрежительно хмыкнул и, не скрывая презрения, ткнул пальцем в сторону юноши:

— Я же говорил — в нынешнем шоу-бизнесе одни «расписные подушки». Кроме рожи и посмотреть не на что. Ни образования, ни талантов, ни навыков.

Ли Жун мысленно парировал:

«С образованием у меня всё в порядке, я поумнее тебя раз в сто»

— Нет слуха — и не надо, всё равно слушать там нечего. Давайте лучше есть, — бросила директор.

Она и сама не заметила, как из-за того странного чувства вины стала предельно снисходительна к юноше.

Чжэн Чжупань хотел было добавить еще пару колкостей, но в дверь кабинета постучали.

Не дожидаясь ответа, официант, нарушая все правила приличия, толкнул дверь.

— Прошу прощения, господа. От имени нашего отеля мы хотели бы преподнести вам изысканное блюдо. Надеюсь, вам понравится.

Кто-то недоуменно спросил:

— Блюдо в подарок? С каких это пор Отель «Семь звёзд» начал раздавать угощения?

Учитывая статус отеля и его неизменно высокомерный стиль, здесь даже в праздники не дождешься скидок, не говоря уже о бесплатных подарках.

Официант дежурно улыбнулся:

— Это подарок специально для дорогих гостей этого кабинета. Если вам что-то понадобится, сразу звоните, мы рядом.

С этими словами официант мельком глянул на Ли Жун, быстро отвел взгляд и поставил тарелку на стол.

— Новинка нашего шеф-повара: морковное ассорти. Салат из тертой моркови, отварная морковь, морковный сок и тушеная морковь с сельдереем.

Ли Жун лишился дара речи.

«...»

Тот уставился на ярко-оранжевое великолепие с полным недоумением в глазах:

— Почему одна морковь?

Но бизнесмен тут же нашел себе объяснение:

— Какое-то новое фитнес-меню?

Иногда в знаменитых ресторанах еда вовсе не обязана быть вкусной — люди ходят туда ради престижа. И блюда порой подают самые причудливые, но в заведениях высокого класса это называют «инновацией» и «искусством».

Официант поддакнул:

— Да-да, именно так.

Раз уж Чжэн Чжупань сам всё объяснил, остальные промолчали. Дареному коню в зубы не смотрят, к тому же есть это они всё равно не собирались.

Ли Жун же, с трудом сдерживая смех, едва заметно качнул головой.

Он понял: это Цэнь Сяо подает сигнал. Сообщает, что информация получена, а официанты будут дежурить у дверей. Стоит ему позвать — и они ворвутся на помощь.

Правда, сам способ передачи... Юноша видел: Цэнь Сяо крайне недоволен его самоуправством.

Скорее всего, он просто в ярости.

Принимая это как наказание за то, что заставил Цэнь Сяо волноваться, Ли Жун сам подцепил палочками немного тертой моркови.

С самым невозмутимым видом он отправил её в рот и заставил себя сделать пару жевательных движений. Но стоило специфическому вкусу коснуться рецепторов, как его едва не вывернуло.

Он прикрыл рот ладонью:

— Простите, мне нужно в уборную.

Не дожидаясь ответа Чжэн Чжупаня, он отодвинул стул и, опустив голову, стремительно вышел из кабинета.

Тот пробурчал вслед:

— Что за дохляк: ни капли не выпил, а уже тошнит.

Едва покинув комнату, Ли Жун увидел того самого официанта, который стоял у дверей.

— Он пришел?

Официант указал на соседний кабинет:

— Командир Цэнь там.

Ли Жун тыльной стороной ладони вытер губы, избавляясь от привкуса моркови, и, убедившись, что на него никто не смотрит, толкнул дверь в соседнюю комнату.

Цэнь Сяо действительно был там. Он даже не сел, а мерил шагами пространство.

Увидев юношу, командир глубоко вздохнул и глухо начал:

— Ли...

Не дав ему договорить, Ли Жун бросился вперед, обхватил его шею руками и прижался к его губам, обрывая на корню весь гнев и тревогу.

— Виноват, виноват, виноват... муж мой.

Цэнь Сяо замер.

«!!!»

«...»

Всё напряжение в теле командира мгновенно сменилось нежностью. Недавняя ярость и жгучее беспокойство развеялись, словно пыль на ветру.

<http://bllate.org/book/15351/1503100>